

Александр и Николай продолжили дело отца и деда, создав акционерное общество «Н. Е. Башкирова наследники». Николай Николаевич Башкиров (1875–1936), купец 1 гильдии, один из директоров-распорядителей общества «Спортинг-палас» в С.-Петербурге. Спортсмен, любитель лошадей и скачек, он имел конюшню на 15 стойл, отличных скакунов, участвовавших в соревнованиях и бравших призы. Окончил Петербургское коммерческое училище. В 1900–1906 гг. был старостой церкви при Петербургской 7-й гимназии (Кирилловская ул., 11) и почетным попечителем этой же гимназии (1907–1910). Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества за 1904 г. дает о Николае Николаевиче такие сведения: «29 лет, бракоразведен, купец 1 гильдии, лич. поч. гр., имение в Самаре, мукомольная мельница в Нижнем Новгороде, мельница и каменный дом в Рыбинске»¹³.

Николай Николаевич Башкиров скончался 28 декабря 1938 г. (ночью) в Париже. В последний путь его провожали сестра, брат и друзья. Отпевали его в Русской церкви на рю Дарю. Об этом сообщала газета «Последние новости» и почти через месяц «Новое русское слово» в Нью-Йорке¹⁴.

Брат Николая Николаевича – Владимир Николаевич – предприниматель, политик, в 1907 г. вступил в одну из масонских лож, входил в состав Временного правительства в качестве товарища (заместителя) министра. В 1917 г. уехал за границу. О нем несколько раз упоминает Н. Берберова в книге «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия», вышедшей в 1986 г. в Нью-Йорке.

Федор Николаевич Башкиров – старший сын Н. Е. Башкирова от первого брака – был женат на дочери купчихи-миллионерши Марковой. После 1917 г. покинул Россию. Ныне один из его внуков живет в Аргентине.

Некоторые из потомков Башкировых живут в Европе, Америке¹⁵.

Мельницы, построенные сто лет назад в Нижнем и Самаре, работают до сих пор, конечно, с другим оборудованием. Мукомольное дело продолжает Нижегородский мукомольный завод.

¹³ Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах на 1904 г. – СПб., 1904.

¹⁴ Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи (1917-1970). Т. 1. – М., 1999. – С. 233.

¹⁵ *Бажанов Е.* Вольный город пионеров Дикого поля. – Самара: Самарский дом печати, 1995. – С. 71-93.

*Аркадий Файвишевич Векслер,
краевед, педагог,
дипломант Аницферовской премии*

Дом, который сломало время

Конечно, ныне город нуждается в обновлении. И всегда нуждался. Потому на месте старых домов, давно ставших неудобными для жилья, строятся новые. Не буду здесь говорить о хищнической замене жилых домов рядовой петербургской архитектуры торгово-развлекательными и иными коммерческими центрами, тут и там нагло попирающими привычные городские пейзажи и горизонты и убивающими историю и саму душу Петербурга, его «genius loci».

В 1970-х гг. исчез дом, много более 100 лет стоявший на углу Саперного переулка и улицы Маяковского, где я прожил от рождения в 1937-м с перерывами на эвакуацию в 1941-м и на службу в армии в 1960-х почти 24 года.

Дом, сколько я его помню, был старый, с длинным тесным двором, общим для дома 33 по улице и 2 по переулку (да еще во двор выходили глухие стены спортзала Кулинарного училища), уже в 1936 г. считавшийся «домом угрозы», куда по этой причине не хотели прописывать мою будущую мать, только что вышедшую замуж за моего будущего отца. Но дом выдержал ленинградскую блокаду и простоял до середины 1970-х гг., покуда не был расселен и снесен, чтобы уступить место новомодному зданию детского сада, законченному строительством в 1982 г. по проекту архитекторов Н. Н. Надежина и Е. В. Капраловой. Поскольку новостройке досталась весьма ограниченная площадь, архитекторы предусмотрели возможность прогулок детям на крыше. Н. Н. Надежин известен как автор корпуса музея Революции (1957, ныне Музей Политической истории России), соединившего особняк Кшесинской и соседний особняк В. Э. Брандта. От моего дома остался только след на стене соседнего дома 4 по Саперному переулку. Мать, всю жизнь проработавшая воспитательницей, была рада, что на месте

Ул. Маяковского, 33-Саперный пер., 2. Современный вид

нашего дома построили именно детский сад, хотя к нему в течение 30 лет так и не привыкли старожилы этих мест, и до настоящего времени бело-серое конструктивистское здание воспринимается инородной вставкой среди построек архитектуры эклектики.

Для меня история дома началась с легенды школьных лет (много позже неоднократно подтвержденной авторами книг и статей, ссылавшимися на архивные документы¹), утверждавшей, что здесь когда-то жил писатель Иван Сергеевич Тургенев. Первой о знаменитом жителе нашего дома рассказала бабушка моего школьного соученика Димы Назарова (Назаровы жили на улице Маяковского в доме 42, в который упирался Саперный, и я несколько раз бывал у них, помогая «делать уроки» этому талантливому и бесконечно ленивому школяру). Затем о Тургеневе-студенте, жителе нашего дома, по какому-то поводу рассказал на уроке директор школы № 182, где я учился в 1948–1952 гг. Собственно, замечательным человеком был и сам директор

¹ Бялый Г.А., Муратов А.Б. Тургенев в Петербурге. Л., 1970; Назарова Л.Н. Иван Сергеевич Тургенев // Литературные памятные места Ленинграда, 3-е изд. – Л., 1976. – С. 349-369.

школы, Константин Гаврилович: он увлекательно вел уроки истории и организовал шефство над нашей школой Государственного Эрмитажа (что для меня, скорее всего, явилось началом увлечения историей города) и кондитерской фабрики имени А.И. Микояна, где я побывал всего один раз, чтобы навсегда лишиться какого-либо интереса к производству, но не к потреблению сладостей. Увидев интерес учеников к городским легендам, директор посоветовал нам завести тетрадки для записи рассказов о домах, в которых мы живем. Не знаю, имел ли такую тетрадку кто-нибудь, кроме меня, но моя жила довольно долго и потерялась в середине 1950-х.

Поиски квартиры, в которой жил Тургенев, успехом не увенчались, тем более что дом перестраивался, но бабушка Назарова была убеждена, что он жил в корпусе, выходящем на улицу Маяковского, где квартиры были богаче и удобнее, чем на Саперном. Словно в память о Тургеневе дом, несмотря на свою непритязательность, привлекал литераторов: здесь в разные годы жили А. П. Пятковский, Б. В. Шкловский и его сыновья Владимир и Виктор, Е. К. Замысловская.

Историю дома, сколько возможно полно, установил петербургский краевед Арсений Семенович Дубин², и я рад, что многие описанные им факты и приведенные фамилии жителей совпали с известными мне еще со школьных лет. Кстати сказать, история дома, изложенная А. С. Дубиным, выгодно выделяется из ряда историй других домов из его книги (автор, скорее всего, повторит эту главу в своей новой книге³). Тем не менее, мне доставляет удовольствие вновь вернуться к истории этого дома, уточнив и дополнив интересную статью маститого исследователя.

Для начала назову московских адресатов письма И. С. Тургенева, частично и не очень точно процитированного А. С. Дубиным. Это Алексей и Александр Бакунины. Письмо датировано 3(15) апреля 1842 г.⁴

Теперь можно побольше рассказать еще об одном известном жителе дома 1860-х гг. – Константине Романовиче Цебрикове (А. С. Дубин сообщает только, что он умер в 1879 г.). Известно, что в 1810 г.

² Дубин А.С. Улица Маяковского. СПб., 2008. – С. 113-121.

³ Дубин А.С. Саперный переулок в Петербурге: дома и люди // Фонтанка. – 2010. – № 6. – С. 5.

⁴ Тургенев И.С. Письма. В 18 т. Т. 1. Письма 1831–1849. – М., 1982.

Константин Цебриков поступил в Морской кадетский корпус⁵, что позволяет предположить годом его рождения 1798-й (приемный возраст составлял 12 лет⁶). В 1819 г. Цебриков произведен в мичманы, в 1824 г. – в лейтенанты. В 1831 г. он был назначен старшим адъютантом штаба главного командира Кронштадтского порта, в 1834 г. произведён за отличие в капитан-лейтенанты, 5 марта 1841 г. назначен помощником капитана над Кронштадтским портом; в 1843 г. произведён в капитаны 2-го ранга, в 1844 г. за выслугу 25 лет в офицерских чинах награждён орденом Св. Георгия IV степени. В 1846 г. он произведён в капитаны 1-го ранга, в 1855 г. – в генерал-майоры с назначением присутствовать в конторе над Кронштадтским портом. 14 декабря того же года назначен состоять по Морскому министерству, а 28 марта 1860 г. произведён в генерал-лейтенанты, с увольнением от службы. Говоря о его дочери, я бы привел цитаты из ее интересных воспоминаний⁷.

Теперь расскажу более подробно о Якове Ивановиче Баршеве, владевшем домом в 1867–1894 гг. (в 1860-х гг. дом числился под № 29), и следующем домовладельце, князе Владимире Николаевиче Масальском.

Окончив Московскую Духовную академию, Я. И. Баршев (1807–1894) вместе с братом Сергеем (1808–1882) был причислен ко Второму отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии и затем отправлен за границу. Получив в 1834 г. степень доктора права, около года занимался в комиссии, учрежденной для перевода Свода законов на немецкий язык, а затем был назначен профессором уголовных и полицейских законов на кафедру уголовных законов при Петербургском университете. С 1837 г. ему было поручено чтение лекций в Александровском лицее и в Пажеском корпусе. Оставив после 1851 г. университет, перешел в Императорское училище правоведения, где преподавал уголовное право и судопроизводство. В последние годы жизни состоял при кодификационном отделе Государственного Совета. Я. И. Баршев был признан выдающимся криминалистом; в преподавании и сочинениях старался проводить начала, выработанные

⁵ Русский биографический словарь: В 25 т. / А. А. Половцов. 1896–1918.

⁶ *Грaбарь В.К.* Вскормленные с копыя: очерки истории детского воинского воспитания. – СПб., 2009.

⁷ *Цебрикова М.К.* Русский человек. Из воспоминаний (об отце). // Современник, 1911, № 7. – С. 152–180.

исторической школой, обобщать и систематизировать разрозненный материал, с которым приходилось иметь дело тогдашним юристам. Главное его сочинение – «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству» (СПб., 1841). В 1895 г. наследники тайного советника Я. И. Баршева дочери Антонина, Зинаида и Мария и сын Валерий продали дом князю Владимиру Николаевичу Масальскому (домом управлял Андрей Васильевич Кудрявцев). С 1895 по 1909 г. в доме по Надеждинской ул., 33 продолжали жить дочери прежнего владельца Зинаида и Мария Яковлевны Баршевы.

В. Н. Масальский (31.10.1860 – 10.4.1940, Париж), князь, генерал от артиллерии. Образование получил в Пажеском корпусе (1880). С 15.10.1898 г. командир 1-й Его Величества батареи. 20 февраля 1902 г. переведен в распоряжение Главного артиллерийского управления. С 15 августа 1903 г. – командир 1-го дивизиона гвардейской конной артиллерии. Через год – командир 73-й артиллерийской, затем гвардейской конно-артиллерийской бригады. В 1909–1910 гг. – начальник артиллерии гренадерского корпуса, в 1910–1913 гг. – 1-го артиллерийского корпуса, получивший на этом посту 18 октября 1913 г. звание генерала от артиллерии. Выйдя в отставку, всего через восемь месяцев был отозван и назначен исполняющим дела инспектора артиллерии так недавно покинутого корпуса. Проведя в новой должности три года, назначен инспектором артиллерии 7-й армии генерала Д. Г. Щербачева, трудясь столь успешно, что в конце 1916 г. «за подготовку и руководство артиллерией армии», награжден орденом Св. Георгия IV степени, даваемого офицерам лишь за особые заслуги или при выходе в отставку. После того как Щербачев принял командование над армиями Румынского фронта, Масальский занял при нем пост инспектора артиллерии фронта. Оставался на посту до конца войны. В марте 1918 г. уволен в запас, как оказалось, вновь не надолго: с 18 ноября 1919 по 20 марта 1920 г. Масальский – участник Белого движения, начальник артиллерии Мурманского фронта. После поражения белых армий уехал в эмиграцию, состоял председателем Общества взаимопомощи офицеров лейб-гвардии Конной артиллерии в Париже⁸.

⁸ Использованы материалы кн.: *Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. Биографический энциклопедический словарь. – М., 2003.

После Масальского домом владели жена дворянина А. Н. Тиден (1909), жена купца Э. Р. Лобек (1909–1916), Д. И. Качурин (1916–1918).

Следует уточнить и сведения о некоторых упомянутых А. С. Дубинным жителях дома, а также существенно расширить список этих людей. Так, полковник М. К. Морель жил здесь, по крайней мере, с 1895 до 1901 г. До 1901 г. здесь жили жена полковника Анна Ивановна, сын Николай (в 1901 – штабс-капитан) и дочери Лидия и Варвара (в замужестве Торнеус). В 1904 г. Морели жили на Ковенском пер., 9, где и умер М. К. Морель, перед смертью возведенный в чин генерал-майора (похоронен на Новодевичьем кладбище). Похоронив мужа и отца, женщины Морели поселились на Саперном пер., 13, где жили до конца 1913 г.

Из многочисленных жителей дома 2/33 1895–1917 гг. назову губернского (в 1913 – титулярного) советника, чиновника 1-го департамента Министерства юстиции князя Захара Николаевича Андроникова (жил здесь в 1909–1913 гг., его брат присяжный поверенный и присяжный стряпчий Луарсаб Николаевич, отец Ираклия Андроникова, жил в доме 16/36 на углу Саперного переулка и Знаменской улицы). Еще преподавателя Петербургских политехнических курсов Общества народных университетов, издателя учебных карт отставного полковника Константина Францевича Неслуховского, редактора журнала «Наблюдатель» и газеты «Гласность» действительного статского советника Александра Петровича Пятковского, преподавателя Реформатского училища коллежского секретаря Николая Аркадьевича Томилина, владельца бухгалтерской конторы, учредителя частных счетоводных курсов, бухгалтера дома призрения Тименкова-Фролова и биржевой больницы, преподавателя школы при доме призрения Тименкова-Фролова, коммерческого класса Рождественского женского училища и Высших коммерческих и счетоводных курсов Побединского, члена Общества счетоводов, Общества для распространения коммерческих знаний и Педагогического общества Николая Львовича Хрусталева, жившего здесь с женой Анной Егоровной и детьми, члена Правления Юго-Восточных железных дорог потомственного дворянина Флориана Иосифовича Чеховича, служащего Управления Николаевской железной дороги дворянина Сергея Александровича Чумакова, преподавателя Торговой школы и основанных им Курсов

для взрослых Бориса Владимировича Шкловского (жил здесь в 1909–1917 гг., после революции – профессор Высших артиллерийских курсов), его жену Варвару Карловну и сыновей Виктора и Владимира.

О Шкловских достаточно подробно рассказал А. С. Дубин в своей книге. А вот что мне удалось узнать о других жителях дома.

К. Ф. Неслуховский (1864–1942) происходил из дворян Минской губернии. Сын профессора истории Ф. К. Лучивки-Неслуховского (1818–1907), образование получил в Александровском кадетском корпусе. Затем окончил 2-е Константиновское военное училище, откуда был выпущен подпоручиком в 65-й пехотный Бородинский полк. После обязательного командования ротой в лейб-гвардии Гренадерском полку поступил в Военно-юридическую академию, которую окончил по первому разряду. Дальнейшая служба проходила в Петербургском пехотном юнкерском училище, где он, занимая различные должности от заведующего оружием до инспектора классов, к 1902 г. дослужился до звания полковника и вышел в отставку, но после начала Первой мировой войны возвращен на службу и назначен командиром 1-го пехотного запасного батальона (позже батальон был развернут в запасной полк). После Февральской революции выполнял ответственные поручения Военной комиссии Государственной думы. В 1918 г. занимал должность заведующего отделом дезинфекции подвижного состава Петроградского железнодорожного узла. Скончался от голода во время блокады Ленинграда.

О Неслуховских писала Надежда Павлович в своих «Воспоминаниях об Александре Блоке»: «Несколько слов о сестрах Неслуховских. Мария Константиновна скоро стала моей близкой подругой, а их дом – родным для меня. Это была удивительная семья. Отец, Константин Францевич, – географ, бывший полковник генерального штаба, хороший знакомый Ленина, который, нелегально приехав в Петербург, бывал у него.

Командовавший полком Неслуховский сразу перешел на сторону революции. Это был добрый и блестящий человек, необыкновенно сердечно и как-то весело встречавший молодежь, вечно наполнявшую их дом. Жена его (Мария Николаевна – А.В.), с которой он разошелся, мать Марии и Татьяны, была из рода Алябьевых – пушкинская красавица, и композитор Алябьев был с ней в родстве.

Географические карты, книги, старинный фарфор, красное дерево, атмосфера дома, напоминавшая дом Ростовых (речь идет, очевидно, о квартире Неслуховских в доме 18 по Большой Гребенцкой ул.; после развода с женой в 1910 г. Неслуховский часто менял квартиры – А.В.). Здесь легко дышалось, много думалось и говорилось об искусстве и литературе. Татьяна Константиновна была с юности связана с революционной молодежью.

Мария Константиновна, с неправильным и прелестным лицом, статная, в локонах, словно сошедшая со старинного дагерротипа, была художницей. Она делала замечательные стилизованные куклы, целые макеты сцен различных эпох.

В 1922 г. она вышла замуж за Николая Семеновича Тихонова, тогда недавно вернувшегося с фронтов гражданской войны и сразу покорившего всех нас стремительными стихами – молодого автора «Орды» и «Браги».

С Блоком Мария Константиновна познакомилась у меня и несколько раз с ним встречалась⁹.

А. П. Пятковский (1840–1904), педагог, журналист и критик. С 1882 по 1904 гг. – редактор и издатель литературно-политического и ученого журнала «Наблюдатель», редакция которого размещалась в квартире Пятковского, затем газеты «Гласность». В 1895 г. действительный статский советник, действительный член Петербургского тюремно-благотворительного комитета. Жил также на Пушкинской ул., 11 и 8. В журнале Пятковского сотрудничали Д. Н. Мамин-Сибиряк, Л. И. Пальмин, П. В. Засодимский и другие видные литераторы.

Выпускник Петербургского университета, А. П. Пятковский много лет занимался изучением еврейского вопроса. В 1901 г. он издал книгу «Государство в государстве. К истории еврейского вопроса в России и Западной Европе». В ИРЛИ хранится личный фонд Пятковского (Ф. 251; 95 ед. хр.; 1854–1899): статьи, заметки; письма разным лицам, в том числе Н.А. Корфу, Н. С. Курочкину, Д. Н. Мамину-Сибиряку, А. Н. Майкову, Н. К. Михайловскому, Л. Н. Модзалевскому, Д. Л. Мордвинову, Вас. И. Немировичу-Данченко, С. С. Окрейцу, А. А. Поро-

⁹ Павлович Надежда. Воспоминания об Александре Блоке // Прометей : историко-биограф. альманах. Т. 11. М., 1987.

ховщикову, М. Н. Ремезову, М. И. Семевскому, А. П. Философовой, К. М. Фофанову.

О жизненном и творческом пути А. П. Пятковского подробно рассказывает В. Р. Зотов в брошюре, посвященной 25-летию его литературной деятельности, одновременно давая оценку основным произведениям автора¹⁰.

В 1910-х гг. в кв. 5 дома 33 помещалась контора ежемесячного литературного, научного и политического журнала «Современный Мир», и этот адрес указал в 1912 г. Демьян Бедный для начала переписки с В. И. Лениным. «Современный мир» – преемник закрытого цензурой журнала «Мир Божий»; выходил с 1906 по январь 1918 гг. (в 1913–1915 гг. выходило еще и второе, удешевленное издание журнала, воспроизводившее наиболее популярные художественные произведения и статьи основного издания журнала). Издавала журнал Мария Карловна Иорданская, редакторами были Федор Дмитриевич Батюшков, Ангел Иванович Богданович, Николай Иванович Иорданский, Владимир Павлович Кранихфельд.

Адресные книги позволили уточнить владельцев упомянутых А. С. Дубинным торговых и иных заведений, находившихся в разные годы (1895–1917) на территории дома 2/33. Это мастерская дамских нарядов Екатерины Антиповны Докучаевой, чайная Ивана Яковлевича Кузнецова, парикмахерская Ивана Ивановича Морозова, колбасная лавка Ивана Александровича Сластникова. Елена Илларионовна Сорокина содержала в доме белошвейную мастерскую, Александр Антонович Сарап – кузнечно-слесарную мастерскую во дворе, Антон Федорович Эхальский – пекарню и булочную, занимавшую угловую часть первого этажа со входом с Надеждинской улицы (с 1930-х гг. здесь находилась булочная № 243 Ленхлебторга, закрытая в годы войны и возобновившая свою работу после освобождения Ленинграда от блокады).

В 1920–1940-х гг. в доме 2/33 жили: Михаил Борисович Брахман (дом 33, кв. 6; умер в 1942 г.), заведующая Ленинградским отделением Института иностранных языков Екатерина Константиновна Замысловская (дом 33, кв. 3), Александр Михайлович Лунев (1907–1942;

¹⁰ Зотов В.Р. Один из праздников русского слова [25-летие литературной деятельности А.П. Пятковского]. СПб., 1885.

дом 2, кв. 20), врач Алексей Александрович Северов (дом 2, кв. 14), служащий «ЛОБК» Владимир Аггеевич Федоров (дом 33, кв. 3), Сергей Павлович Цветков (1903–1941; дом 2, кв. 10).

Е. К. Замысловская (1873/1874 – после 1941), дочь штабс-капитана, участница революционного движения, в 1913 г. – редактор еженедельного иллюстрированного «Народного журнала» (издавался с 1909 г.), в котором благодаря ее поддержке печатались Александр Ширяевец¹¹ и Павел Поршаков, в 1918 г. – рецензент газеты «Новая жизнь», методист Наркомпроса. Автор книг для чтения и учебных пособий для учащихся единой советской трудовой школы по истории и родиноведению (краеведению), в частности, «Учебника истории для школ I ступени» (Пг., 1923), по сути, первого сугубо советского пособия для младших школьников. Автор пьесы для школьной постановки «За Первое мая» (Пг., 1923), повестей «Девятое января» (Пг., 1924), «Первый грозный вал. 1905 год» (Л., 1926), книг для чтения «Деревенские школьники в Ленинграде» (Л., 1925), «По городам и селам своего края. По письмам школьников» (М., 1926) и др. Воспоминания Е. К. Замысловской о знакомстве с Горьким напечатаны в журнале «Звезда» (1941, № 6, с. 155–162). С краеведческими работами Е. К. Замысловской мне удалось познакомиться в начале 1990-х гг., когда я начал преподавать курс «История и культура Санкт-Петербурга» в школе № 636 Центрального района и стал придумывать «Тетради по истории Санкт-Петербурга», фактически повторяя опыт педагогов 1920–1930-х гг.

Отсюда ушел на войну и не вернулся мой отец Файвиш Айзикович Векслер, в 1929 г. поселившийся в квартире 9 дома 2 по Саперному переулку как налогоплательщик вместе с матерью Мусой Залмановичей, старшей сестрой и младшими братьями. А. С. Дубин нашел архивные документы о нашей семье (ЦГА СПб. Ф.1963. Оп. 180. Д. 5273. Лл. 17, 18). Жалко, что не сослался на них в книге.

Семья Векслеров, выходцев из Торопца, поселилась в Петрограде в 1920-х гг. (первый адрес их проживания установить пока не удалось). Глава семьи Айзик Векслер, как гласило семейное предание, был специалистом по золочению куполов и умер вскоре после переселения

¹¹ Большинство ее писем к Ширяевцу сохранилось. Все они опубликованы (журн. «De visu», М., 1993, № 3; публ. Ю. Б. Орлицкого, Б. С. Соколова и С. И. Субботина).

семьи в Петроград. Мой отец родился в Торопце в 1908 г. (видимо, там же родились его сестра и братья). В 1929 г. он служил продавцом Транспортно-потребительского общества Октябрьской железной дороги. В 1936 г. женился на Мире Зунделевне Касавиной (1914–1976). Отец, как и его братья, много и с увлечением учился, получил высшее гражданское и военное образование (я помню его только в военной форме). В каких учебных заведениях он учился, установить не удалось, но когда я начал учиться в ЛЭТИ, преподавательница физики, увидев мою фамилию, спросила, не учился ли мой отец у нее на рабфаке.

Разговоры об отце на Саперном были, так скажем, непопулярны, но я знал, что от него с самого начала войны не было никаких известий, и он считался пропавшим без вести, что стало возможным подтвердить только после раскрытия Министерством обороны своего архива безвозвратных потерь за 1941–1945 гг. Но извещения о судьбе отца мать не получила. Когда я уже учился в техникуме, мать нашел, по ее рассказу, сослуживец отца, и рассказал о гибели группы офицеров штаба, в которой, возможно, был и отец. Большинство из них не смогло переправиться на восточный берег реки Неман.

Помнится, что однажды в разговоре об отце мать назвала город Новогрудок, где они жили некоторое время. Новогрудок известен по летописи с 1116 г., со второй половины XIII в. он был центром Черной Руси, в 1795 г. присоединен к России и стал уездным городом Слонимского наместничества, с 1842 г. числился в составе Минской губернии, а с 1 октября 1920 г. стал центром Новогрудского воеводства в составе Польши. В сентябре 1939 г. в составе Западной Белоруссии воссоединён с БССР. Возможно, что в этом Новогрудке отец и служил, поскольку по выявленным теперь документам находился в Красной армии с 1939 г. Значит, и я был там с родителями, чего помнить с двухлетнего возраста не могу. Зато помню, что, живя на Саперном, отец служил или учился в части на Митавском переулке, куда брал и меня, и однажды там потерял, потому что я заснул, забравшись в большой барабан (это я помню отчетливо!).

25-й отдельный батальон связи 25-й танковой дивизии, где отец в звании младшего лейтенанта служил начальником финчасти, входил в состав Особого Западного военного округа (ОЗВО), войска которого одними из первых испытали на себе удар наступающей группы

немецкой армии «Центр» и 22 июня – 9 июля 1941 г. участвовали в Белорусской стратегической оборонительной операции. Потери Красной армии здесь были огромны, но их ценой замедлились темпы наступления немцев на Смоленск и Москву.

Сведения о потерях ОЗВО удалось собрать только к середине 1943 г. (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 92. Л. 172). Поэтому мать и не получила извещение, которое, как оказалось при прочтении списка потерь офицерского состава, и не было направлено по месту проживания семьи. В 1943-м части, где служил отец, уже не было, а штаб Западного фронта, в который вошли остатки ОЗВО, извещения не рассылал. Благо, что собрал и сдал в архив списки безвозвратных потерь.

Приведу дословно сведения об отце из этих списков (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 92. Л. 380):

«189. Мл. лейтенант Векслер Фавиш Азикович. Н-к финчасти 25 отд. б-на связи 25 тд. 1908 года рождения, Калининской обл., г. Торопец. Еврей, служащий, ВЛКСМ, образование: общее – высшее, военное – ВВП (высшее военно-политическое – А.В.), в КА с 1939 г. Ленинград, Саперный пер., д. 2, кв. 9». Карандашная пометка «нет» означает, что извещение по этому адресу не отправлено, а другого адреса в деле нет (на десяти ближайших листах я увидел отметку об отправке извещения только дважды). В имени и отчестве отца писарь пропустил букву «Й» (возможно, ее не было на клавиатуре), поэтому сведения об отце я нашел не сразу.

Достоинно прошли жизненный путь младшие братья отца.

Зиновий Александрович¹² Векслер (1911–1992) рано начал самостоятельную жизнь. В 1929 г. учился в ФЗУ Подковно-гвоздильного завода на Васильевском острове (17-я линия, 52), затем получил военно-морское инженерное образование, участвовал в Великой Отечественной войне. В 1970–1990-х гг. в звании капитана 2-го ранга служил районным инженером в военных представительствах на предприятиях оборонной промышленности Ленинграда.

Матвей Александрович Векслер (1913–1976) в юности потерял зрение, но это не помешало ему окончить исторический факультет Педагогического института им. А. И. Герцена и много лет преподавать

¹² Младшие братья приняли русифицированные имена и отчества.

1940 г. Родители

историю и русский язык в учебных заведениях для незрячих, готовить к возвращению к мирной жизни воинов, потерявших зрение в боях Великой Отечественной войны (один из его учеников написал книгу о педагогической деятельности своего учителя-подвижника). После войны он стал аспирантом Ленинградского Государственного университета, и его руководитель профессор В. В. Мавродин несколько раз бывал в квартире на Саперном. Болезнь не позволила Матвею Александровичу закончить работу над кандидатской диссертацией, но он продолжал активно участвовать в деятельности Ленинградского отделения Всероссийского общества слепых (его работе был посвящен стенд в музее им. В. А. Шелгунова). Обладая хорошим музыкальным слухом, он пел, играл на музыкальных инструментах. Блестящая память помогла ему хорошо играть в шахматы. Он был женат на Анне Васильевне (урожденной Костроминой), в их семье росли двое детей – мои двоюродные сестра Нина (род. в 1936 г.) и брат Вячеслав (1938–1988).

В начале июля 1941 г. Нина, Славик и я были эвакуированы с большой группой детей Дзержинского района в Ярославль. Подробности этой эвакуации я не помню, может быть, ее начало было таким, как изображено на фотографии В. Тарасевича (июль 1941).

В сентябре 1941 г. в эвакуацию на Урал были вывезены другие жители нашей квартиры: М. А. Векслер с женой и престарелой матерью и моя мать с новорожденным сыном Геннадием (родился 5 августа). Привезя родственников в город Молотов, Анна Васильевна на свой страх и риск отправилась в Ярославль за детьми, и стойчески преодолев казавшиеся непреодолимыми препятствия, вывезла нас в Молотов. Здесь семьи разделились: Матвей Александрович начал преподавать в Молотовской школе для раненых, а моя мать сначала работала на оборонном заводе, а позже – воспитательницей в детском саду и училась в Молотовском педагогическом институте, который окончила в 1946 г. Мы жили в институтском общежитии, и будущие учительницы как-то очень легко научили меня читать и очень потешались над тем, как я читал им вслух, ничего не понимая, кроме отдельных слов, их мудреные книги про Спинозу, Песталоцци и Ушинского. Будущие учительницы, видимо, не боялись навсегда отбить у шестилетнего ребенка охоту к чтению или верили в свои воспитательные таланты. В Молотове у матери в декабре 1946 г. родился сын Георгий, отцом которого стал двоюродный брат моего отца, тоже Файвиш, так что у нас одинаковые отчества.

Вернулись мы в Ленинград из Молотова в конце зимы 1948 г., причем мать по существующим тогда порядкам из-за возвращения в Ленинград после 1947 г. потеряла право на занимаемую до эвакуации жилплощадь. Поэтому на Саперном мать с нами поселилась не сразу, ожидая разрешения формальностей, связанных с пропиской «без права на площадь», которую оформил Матвей Александрович, возвратившийся с семьей в Ленинград ранее. Я некоторое время жил у маминой тети Рахили Моисеевны Касавиной на 9-й Советской ул., 16, в длинной комнате с огромным «венетическим» окном. Себя я помню, а мать и братьев не помню совершенно. Они, видимо, были на «круглых сутках» в детском саду № 10 на Старо-Невском, где мать работала воспитателем. У тети я безвозвратно пристрастился к чтению. Сначала прочел новиковскую «Цусиму» и соболевский «Капитальный ремонт», но тетя

следующие «взрослые» книги мне не дала, а принесла из своей аптеки «Конармию» и рассказы Бабея, посчитав их вполне «детскими». Что я еще читал, уже не помню, но читал даже газеты и разорванные книги в туалете, и тетя показывала меня соседям как читающее чудо, а ее муж, дядя Зяма Старосельский, похоже, очень мной гордился и пытался разговаривать со мной по-еврейски, но вскоре бросил это занятие, а когда я подряд перерешал все задачки и примеры из своей «Арифметики» для 4-го класса, принес мне откуда-то старинную «Арифметику» с непонятными буквами, твердыми знаками почти после каждого слова, пудами, фунтами и саженьями. Не понимаю, как я разбирался в этих задачках, но решать их было интересно, особенно со Славиком, когда мы, наконец, перебрались на Саперный и поселились в бывшей отцовской квартире вчетвером в 9-метровой комнате с круглой печкой и двумя окнами во двор, в которой в 1937 г. начиналась моя ленинградская жизнь, до 1941 г. запомнившаяся мне весьма скудно. Осенью я пошел в 5-й класс 182-й школы, где учился Славик, но не в его класс с английским языком, где мест не было, а в параллельный, с немецким, и школу мы с ним окончили в 1952 г., а затем учились в разных техникумах.

Двор, куда выходили окна нашей комнаты, был плотно заставлен поленницами дров. Дрова хранились еще и в нескольких подвалах, причем тот, что был под нашей комнатой, как оказалось, отделялся от подвала соседнего дома 4 кирпичной перегородкой с дыркой, куда подросток мог пролезть и добраться до следующего подвала под домом

На коне (Аркаша Векслер)

6, где была прачечная. Так что, было где спрятаться при игре в прятки, но девочки, если мы играли в «общие прятки», сразу договаривались в подвалах не прятаться. Играть в футбол или подраться с мальчишками соседних дворов мы ходили на пустырь на Артиллерийском переулке. Правда, футбол и драки случались редко, я с большим удовольствием после школы бегал в библиотеку через Литейный, направо от школы или в другую, на улице Маяковской, 27. А в 1950 г. я записался в Юношеский зал Публичной библиотеки на Фонтанке и начал там с чтения толстенной «Даурии». Зимой 1951-го кто-то из дворовых мальчишек увлек меня занятиями в яхт-клубе на Петровской косе, куда мы ездили два раза в неделю, и времени на футбол и драки совсем не оставалось, хорошо еще, что я успевал выполнять все домашние задания, не выходя из школы, по «горячим следам», благо учеба давалась легко, а мать никогда не вмешивалась в мои школьные дела.

Дома оказались интересные книги, оставшиеся с довоенного времени – огромный «Атлас командира РККА», «Малая советская энциклопедия» первого издания с навсегда запомнившимися названиями томов: «Массикот – Огнев», «Огневки – Пряжа» или «Тугенбунд – Шверник»... Был еще «Гаргантюа и Пантагрюэль» на немецком языке с чудесными картинками, и я его пытался читать, едва овладев латинским шрифтом. Книги стояли на самодельной полке почти во всю длину коридора против моей комнаты.

С двоюродными сестрой и братом я подружился (младших братьев мы, как помнится, почти не замечали). Мы втроем иногда играли в заведенную Ниной игру, называемую у нас «Велчел»: кто больше назовет начинающих на определенную букву фамилий известных людей (отсюда и «Велчел» – великий человек), названий стран, городов, кинофильмов, спектаклей и др. Со Славиком мы ходили по городу, постепенно осваивая ближние и дальние окрестности Саперного переулка (однажды даже добрались, увязавшись за похоронной процессией, до Большеохтинского кладбища, обратно возвращались домой «зайцами»), играли в шахматы (он меня чаще обыгрывал), вместе читали, лежа на полу, одну книгу. В «большой семье» существовал неписанный, но непреклонно соблюдавшийся культ точности: стоило в разговоре привести какой-нибудь факт, собеседник, не уверенный в его точности, требовал подтверждения указанием источника или ссылкой на

авторитет. Рефери чаще всего выступал Матвей Александрович, знания которого были беспредельны. Ко мне он относился хорошо, и когда пришла пора поступать в техникум, съездил со мной на дальний конец города, чтобы на всякий случай походатайствовать за сына участника Великой Отечественной войны, что оказалось ненужным: в Авиаприборостроительный техникум меня приняли в группу, почти полностью составленную из семиклассников-отличников, так что мои школьные успехи не пропали даром (немногим ранее при подаче документов в другой техникум мне предложили сдавать экзамены «на общих основаниях», и чем бы это закончилось, не ясно, хотя в своих силах я не сомневался!).

Дом 33/2 в годы моего отрочества был действительно старым, даже ветхим. Как-то, прочтя «Зеленые цепочки» (такого фильма тогда еще не было), мы со Славиком решили посмотреть, можно ли было с чердака нашего дома пускать сигнальные ракеты или сбрасывать вниз зажигательные бомбы. Забравшись на чердак, поняли, что ходить там можно было только по специально проложенным доскам, не делая ни шага «ни вправо, ни влево». Не успели мы добраться до ближайшего слухового окна, как на чердак ворвался Юра Рубанов (он был старше нас и учился в ЛЭТИ), живший на последнем этаже, и спустил нас с лестницы, доходчиво объясняя, что при каждом нашем шаге на его голову сыпался мусор с потолка!

Не сомневаюсь, что о нашем старом доме много интересного могли бы вспомнить и рассказать его многочисленные обитатели, разъехавшиеся по всему городу, но «иных уж нет, а те далече».

Пусть будут счастливы дети, начинавшие и начинающие свою жизнь в детском саду, стоящем на месте старого петербургского дома с его скромной архитектурой, невыдающейся историей и нераскрытыми тайнами.